

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

О РЕАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ

Исследование лексики любого периода по данным письменных источников в аспекте ее семантических особенностей предполагает обращение к употреблению слова в существующих в данный период жанрово-стилистических разновидностях и потому связано с изучением литературного языка той или иной эпохи. Если за основу анализа принимаются контекстуальные условия употребления лексемы, то эти условия должны пониматься как взаимозависимые величины разных уровней, прежде всего лексико-семантического, грамматического и стилистического.

Контекст слова в источнике предстает как такая часть письменного текста, в которой реализуется семантическая, грамматическая и стилистическая характеристики анализируемой лексемы, обусловленные организацией языковых единиц данной части текста. В то же время контекст зависит от жанровой принадлежности источника, что является особенно характерным для памятников русского языка XI—XIV вв. Жанровая специфика памятников старшей поры, во многом определяющая его стилистические признаки, вместе с тем может быть отнесена к тому фактору, который не является собственно языковым, но который непосредственно связан с языковыми специфическими характеристиками источника. В этом смысле жанровая принадлежность может рассматриваться как одна из сторон речевой ситуации использования отдельного слова в контексте¹. Важность контекстуального фактора, бесспорная для работ на материале современного языка, еще более усугубляется в историко-лингвистических исследованиях, где, как пишет В. Бланар, «нельзя опереться на языковое чутье»².

Контекстуальный анализ предполагает по крайней мере два подхода. При одном анализ семантических и стилистических признаков слова осуществляется исходя из контекстуальной данности с учетом ее жанровой принадлежности, т. е. контекст предстает как фон использования слова. При другом исследователь идет от слова к контексту, выявляя механизм его употребления. Разумеется, такое разграничение является условным, — в конечном итоге оба подхода должны взаимно пересекаться. Однако второй подход имеет известное преимущество, так как «точкой отсчета» является вполне определенная языковая единица — слово. При этом слово выделяется в своих ближайших лексических и грамматических связях — в

¹ Н. Н. Амосова пишет: «Контекст в этом строгом определенном смысле термина — это собственно языковой семантический фактор, а речевая ситуация по сути своей — внеязыковой фактор выявления значения слова. Между обоими этими факторами есть нечто общее. Оно заключается в том, что и контекст, и речевая ситуация определяют речевую сферу того слова, значение которого должно быть выявлено, следовательно, и контекст, и речевая ситуация суть условия употребления слова, действующие в одинаковом направлении» (Н. Н. А м о с о в а, Слово и контекст. «Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике», 2, Л., 1958, стр. 7).

² В. Б л а н а р, О внутренне обусловленных семантических изменениях, ВЯ, 1971, 1, стр. 13.

сочетаемости, которая в данном случае может быть определена как непосредственный смысловой контекст образующих ее единиц.

Н. Ю. Шведова пишет: «Как бы ни обстояло дело с точки зрения исторической (особая сочетаемость предопределяет формирование нового значения или формирующееся значение предопределяет новую сочетаемость), в избираемый как синхронное состояние момент языкового существования сочетаемость не безразлична к значению слова, она прямо с ним соотнесена»³.

Сочетаемость является как бы двусторонним процессом: со стороны непосредственного практического применения слова в тексте и со стороны анализа его семантических и стилистических признаков. Это факторы разных уровней и разных исследовательских установок. Для лексико-семантического исследования сочетаемость предстает как такой фактор, который помогает выявить семантические возможности слова, и при анализе осуществляется переход от сочетаний к значению слова. Применение слова в тексте, его непосредственное употребление, напротив, представляет сочетаемость как результат использования семантического потенциала лексемы.

Вопрос о том, определяет ли значение слова его сочетаемость, или наоборот, сочетаемость первична по отношению к семантике, дискуссионен. Иначе говоря, не вполне ясно, образуются ли сочетания на основе семантических возможностей слова или же семантические возможности слова формируются на основе его сочетаемости. Так, авторы работ по современному русскому языку склонны считать, что сочетаемость является следствием семантического потенциала слова⁴, некоторые же исследователи истории языка полагают, что значение слова развивается в первую очередь в зависимости от сочетаемости конкретной лексемы⁵. По-видимому, данный вопрос не может быть решен только в пользу одной гипотезы. Скорее правомерны обе точки зрения, но для разных случаев.

Материал древнерусского языка предоставляет данные для обоих суждений⁶. Если обратиться к словам, семантически максимально близ-

³ Н. Ю. Шведова, Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы», ВЯ, 1970, 3, стр. 40.

⁴ Д. Н. Шмелев пишет: «Объединение слов в тексте подчинено существующим в языке синтаксическим правилам. В то же время сочетаемость каждого отдельного слова в пределах допускаемых последними моделей обусловлена его собственной индивидуальной семантикой» (Д. Н. Шмелев, Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964, стр. 188). Ср. точку зрения Н. Ю. Шведовой: «Представляется несомненным, что избирательная лексическая сочетаемость слов предопределяется внутренними качествами „избирающего“ слова, и эти качества нужно искать в сфере значения» (Н. Ю. Шведова, указ. соч., стр. 41).

⁵ Данный подход отражен, например, в работах М. М. Копыленко, посвященных анализу старославянской и древнерусской лексики. Рассматривая кальки с греческого языка, М. М. Копыленко отмечает: «Калька всегда — следствие необычной для испытывающего влияние языка сочетаемости. Так, если глагол *просвѣтити* (*просвѣщати*), который имел исконные значения «засветить», «зажечь», приобрел новые значения — «сообщить знания», «окрестить», «прославить», «совершенствовать», «украсить», то это произошло потому, что он стал употребляться не только с наименованиями источников света (*свѣча*, *лучина*), но и наименованиями лиц... и с такими существительными, как *лице*, *очи*, *сръдьце* (М. М. Копыленко, О греческом влиянии на язык древнерусской письменности, «Русская речь», 1969, 5, стр. 97).

⁶ В настоящей статье использован материал следующих древнерусских памятников: Летопись Новгородская (первая) по синодальному списку XIII—XIV вв. по кн.: «I Новгородская летопись по синодальному харатейному списку», изд. Археогр. комиссии, СПб., 1875 (ЛН); Чтение о Борисе и Глебе, написанное Нестором в конце XI в. по списку Сильвестровского сборника XIV в. по кн.: И. И. Срезневский, Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века, СПб., 1860 (ЧтБГ); Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сборнику XII в. по кн.: «Сборник XII в. Московского Успенского собора», I, под ред. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, М., 1899 («Чтения ОИДР», кн. II) (СкБГ); Книги временныя и образныя Георгия Мни-

ким, то нетрудно убедиться, что их различия обнаруживаются именно в сфере сочетаемости, в избирательных смысловых контактах. Существительные *мужь* — *человѣкъ* одинаково обозначают лицо мужского пола, но только слово *мужь* сочетается с определениями, обозначающими высокое социальное положение (*нарочитыи, добрыи, царевъ, вѣщии, лѣпшии* и др.): «и събрачеса чернь и волочаху добрые можа (прав. „мужи“) думающе с ними кого ц(с)ря поставять» (ЛН 69 об. — 70); «люба бы(с) рѣчь си дружинѣ и послаш(а) лѣпшии мужи ко црви» (ЛЛ 15об.); «Да входить в городъ одинѣи ворота со црвѣмъ мужемъ без оружья» (ЛЛ 18, договор Игоря с греками 945 г.).

По-видимому, в семантике самого слова должны содержаться такие смысловые качества, которые делают возможными данные сочетания. Эти качества не только соотносят слова как определяющее и определяемое, но и способствуют их сопоставлению или противопоставлению по отношению к одной и той же лексеме. Так, слово *мужь* противопоставляется слову *рабъ*, тогда как *человѣкъ* по содержанию контекста может соотноситься с этим существительным, ср.: «того мужа презрѣи от себе си отгна, раба же того наслѣдна створи» (ГА 215а); «члвку сущю рабу никако же врежаеть по правдѣ живущему» (ГА 267г).

В каждом грамматическом классе сочетаемость имеет свои особенности. Для существительного наиболее важной представляется их сочетаемость с глаголами и прилагательными, причем для каждого слова данный фактор обладает своей индивидуальной спецификой. Например, при употреблении слова *земля* в значении «низ; поверхность земли» характерны конструкции этого существительного с глаголами *пасти, лежати, клонити(ся)*: «и паде ницъ на земли» (ГА 72б); «люди же вѣдѣвше лежаща и на земли яко мртѣва суща» (ЧтБГ 15а); «видащи класы, клонящися к земѣли» (Пч 54об.). При использовании *страна* в значении «сторона света» в роли определения выступают прилагательные *вѣсточныи, западныи, полудньныи, полунощныи*: «постытѣся (...) и въ Ливии и въ Егуптѣ и въ всеи западнѣи странѣ» (ГА 157 б—в); «двери цркъвныи прекрасны иже наричются Златяя сущая на полуднѣи странѣ» (ЛЛ 158об.). Значение «рыдание» у существительного *плачь* проявляется главным образом в конструкциях с предлогом *по* и однокорневым глаголом *плакати*: «и плакася по ней снѣ ея и внуци ея и люде вси плачемъ великомъ» (ЛЛ 20 об.); «и плакашася по не(м) снѣе его плаче(м) велики(мъ)» (ЛЛ 149). Видимо, и соответствующее значение у *плакати* в свою очередь зависит от семантики существительного *плачь*, — таким образом, влияние значения существительного на глагол и, наоборот, влияние значения глагола на существительное нельзя рассматривать как односторонний процесс.

Примеры воздействия семантики существительного на глагол особенно показательны в переносных значениях, когда существительное и глагол образуют более или менее устойчивые сочетания, иногда в нескольких вариантах. Таковы сочетания глаголов движения со словом *путь*, которые

ха по кн.: В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, I — Текст, Пг., 1920 (ГА); Лаврентьевская летопись 1377 г. по кн.: ПСЛР, I, 1—2, М., 1961 (ЛЛ); Пчела XIV в. по кн.: В. С. Менов, Древнерусская пчела, Сб. ОРАС, LIX, 4, 1893 (Пч.); Палея толковая 1406 г. по кн.: «Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г.». Труд учеников Н. С. Тихонравова, вып. I. М., 1892; вып. II. М., 1896 (Пал.). Деловые памятники специально нами не привлекались, так как вопрос о соотношении и взаимодействии языка и стиля в древнерусский период между источниками деловыми, с одной стороны, и источниками других жанровых разновидностей (житийными, историко-повествовательными, богослужебными и др.) еще требует своего разрешения. Однако контексты из деловых источников учитывались в той степени, в какой они наличествуют в составе летописей.

толкуются как «жить по определенным правилам; подражать кому-л. в образе жизни, в образе мышления». Ср.: «тѣм бо путе(м) шли дѣти оци наши(х)» (ЛЛ 84); «и ре(ч)гь к нему встани и иди на путь, нарицемый правый» (Пч 118об); «ходи въ пути ср(д)ца своего непорочень» (Пч 107об); «снве его Иоиль и Авия не шествующе путемъ его и въ добродѣтели его» (ГА 80об).

Формально легче всего поддаются типизации сочетания глаголов с предлогами. Данные сочетания в грамматическом плане отличаются от сочетаний глаголов с существительными: они обычно выражают объектные отношения; тем не менее в ряде случаев подобные сочетания помогают уяснить семантику глагола. Например, устойчивые сочетания глаголов движения с предлогом *на* толкуются как «отправиться воевать, идти войском»⁷: «Иде Игорь на Греки» (ЛЛ 10); «Ярославъ ходи на Половци за Донъ» (ЛЛ 100); сочетание тех же глаголов с *мимо* переносно используется с временным оттенком: «цр(с)твие твое мимо идетъ от тебе» (ГА 119); компоненты группы глаголов *dicendi* глаголати и молвити с предлогом *на* используются в значении «наговаривать, хулить, бранить»: «и людие же на нь глаху, зане брата своего уби» (ГА 24в); «Дѣдъ же емъ вѣру лживы(м) слово(м) нача молвити на Василка» (ЛЛ 87).

Что касается имени прилагательного, то его значение главным образом зависит от семантики существительного, при котором оно выступает в функции определения. Особенно наглядно это проявляется в использовании прилагательных, выражающих общую положительную или отрицательную качественную характеристику. Так, прилагательное *зълый* в сочетании с существительными со значением лица служит выражением отрицательной этической-нравственной оценки: «приспѣша вънезапу посълани отъ Стоплька зѣлый его слугы» (СкБГ 13в). В сочетании с существительными абстрактными *зѣлый* употребляется с обобщенным значением отрицательного признака: «Идѣже зависть и распря, ту и бещинье и всяка зла вещь» (Пч 79). В роли определения к словам *брань*, *сѣча*, *пополохъ* данное прилагательное имеет значение «сильный по характеру своего проявления»: «бы(с) в ночь пополо(х) золь» (ЛЛ 108); «и сступишася обои бы(с) сѣча зла» (ЛЛ 49). Используясь в качестве определения к словам *сѣмьртъ*, *убиство*, *болѣзнь*, это же прилагательное может толковаться как «мучительный, жестокий»: «возми ножъ свой зарѣжи г(с)на своего да не злою сѣмьртию умреши» (ЧтБГ 25а—б); «бы(с) ему болестъ зла» (ЛЛ 123об.).

Таким образом, реализация отдельного значения слова в древнерусском памятнике зависит от его наиболее регулярного употребления с такими лексическими единицами, которые обнаруживают известную тематическую близость.

Смысловая связь слов, способствующая определению значения отдельной лексемы в контексте, не ограничивается их сочетаемостью по какой-то грамматической модели. Она легко устанавливается между сло-

⁷ Можно согласиться с Н. Ю. Шведовой, что сочетаемость свободная и фразеологически обусловленная обладают принципиальными различиями (Н. Ю. Шведова, указ. соч., стр. 42—43). Однако представляется правомерным рассматривать сочетаемость одного и другого вида в плане их сопоставления, тем более, что фразеологически связанная сочетаемость в древнерусском языке допускала значительно большую вариантность и по лексическому составу, и по грамматическим формам сравнительно с современным русским языком. Например, сочетание *идти на* в рассматриваемом значении могло дополняться именем существительным: «иду на тя ратью» (ЛЛ 144 об.); «воиною иду на нь» (ГА 204 а) и т. д.

вами одного контекста древнерусского источника, но весьма трудно формализуется по синтаксическим параметрам и в основном лежит в области семантико-понятийных отношений. Смысловая сопоставленность слов по их понятийному сходству и различию далеко не совпадает с теми семантическими отношениями, которые обычно принято обозначать терминами «синонимия» и «антонимия». Смысловая сопоставленность и шире, и сложнее противоположности и тождества, выявляемых в семантической структуре лексем при сравнении лексикографических толкований. Приведем некоторые примеры совместного контекстуального употребления понятийно близких слов. Существительное *земля*, обозначая нечто низменное, тленное, используется рядом с существительными *прахъ* и *попелъ*: «рци ему что гордишь яко *земля* еси и *попелъ* при твоємъ бо животъ внутреняя товя гнусна суть» (Пч 82); «въдаемъ яко *земля* есмь и *прахъ*» (Пч 82рб.). Существительное *плачъ* обнаруживает семантическое тяготение к словам *въздыхание*, *слъзы*, *стенание*: «и сѣде съ *плачемъ* и съ *слезами*» (ГА 190 г); «възпи к Бѹ *плаче*(м̃) велики(м̃) и *стенанье*(м̃)» (ЛЛ 88).

Противопоставление слов также обычно обнаруживается в одном контексте. Так, существительное *земля* как символ мира людей противопоставляется существительному *небо*, символизирующему мир божественный: «то едино тѣло имуще на *земли*, умом же и дѣшею на *нѣси* принесени» (ГА 148б) (противопоставление *земля* — *небо* подчеркивается противопоставлением *тѣло* — *умъ*, *дѣша*); «яко бѣ на *нѣси* выпрѣ и ты на *земли* низу» (ГА 191а) (противопоставление *земля* — *небо* сопровождается противопоставлением слов *бѣ* — *ты*, *выпрѣ* — *низу*). Таким образом, отдельные члены одного речевого отрезка оказываются противопоставленными отдельным членам другого речевого отрезка, входящего в контекст.

Подобные контексты характерны в основном для памятников философско-религиозного содержания, в то время как в языке памятников, рассказывающих о событиях древнерусской истории, противопоставление лексических единиц обычно осуществляется внутри одного речевого отрезка. Например, значение слова *люди* «нижний слой населения» выступает при противопоставлении со словами *бояре*, *вельможа*, ср.: «створи же х(с)олюбець пиръ великъ праздникъ стою не токмо *боляромъ* нѣ и *всѣмъ людемъ*» (ЧтБГ 39а-б).

Другой случай противопоставленности представляет собой использование глаголов *dicendi* *отвѣщати* в значении «отвечать» и *въпросити* в значении «спросить». Наиболее типичны примеры, в которых *отвѣщати* в значении «говорить в ответ, отвечать» употребляется в контекстах, передающих диалог. Это употребление непременно предполагает наличие предыдущей реплики. В диалоге, обычно состоящем из последовательно чередующихся вопросительных и утвердительных предложений (реже — из реплик, каждая из которых включает два и более предложений), глагол *отвѣщати* вводит вторую реплику: «въпроси бо и: кдѣ Авель бра(т) твой? он же *отвѣща*: не] вѣдѣ» (ГА 19а); «Нѣкто его *въпраша*(н) что есть въздержаніе, и *отвѣща*[въ] еже въздержати] ся от похоти плотскыя» (Пч 12).

Вместе с тем между отдельным фактором, способствующим реализации значения слов, — будь то сочетаемость, смысловая близость или смысловая противопоставленность, — и тем или другим значением слова абсолютной обусловленности и постоянной связи не существует. Так, например, глагол *ходити* с предлогом *въ* используется и при обозначении движения с конечной целью: «нѣсть ми требѣ *въ*] прѣвъ] *ходити*» (ЧтБГ 49б);

и в значении «носить», ср.: «да и порты в нихъ же *ходятъ* да и то с него сняти» (ЛЛ 13об.). Многочисленные сочетания существительного *мужъ* с притяжательными местоимениями (*свои, твои, мои*) могут употребляться и по отношению к приближенному князя, и по отношению к супругу. Иногда в одном контексте слово (*мужъ*) используется в двух значениях («муж, супруг» и «мужчина»), ср.: «Амазоняне же *мужа* не имуть, но акы скоть бессловесны единою лѣ(т)мъ къ вешнимъ днемъ оземьствны буду(т) и счѣтаются съ окр(ѣ)тными их *мужи*» (ГА 326-в).

С другой стороны, выражение словом отдельного значения не обусловлено каким-то одним фактором — смысловой близостью, смысловой противопоставленностью, сочетаемостью. Значение глагола *плакаться*, определяемое как «рыдать, горевать», могло выражаться не только посредством конструкции с предлогом *по* + местный падеж имени (примеры см. выше), но и конструкциями указанного глагола с предлогом *надъ* + + творительный падеж имени, и беспредложными сочетаниями с родительным (винительным) падежом управляемого слова, ср.: «аще бо людие *плакашеся над нимъ* днии. Л.» (ГА 67г); «и видѣвъ сборъ, яко умре Аронъ и *плакася его* днии. Л.» (ГА 64г).

Обобщенный признак у существительного *человѣкъ* отмечается в сочетании с определением *всякыи*: «да будетъ *всякъ члвкъ* скоръ на послушание» (Пч 96об.); он может находить выражение и посредством употребления формы множественного числа данного существительного. Нередки случаи, когда в одном контексте и форма единственного, и форма множественного числа указанного слова используются с оттенком обобщения, ср.: «все же то далъ Бъ на угоденъ *члвкмъ* на снѣдъ на веселье. велика Г(ѣ)и мл(ѣ)тъ твоя на на(ѣ). яже та угодыа створилъ еси *члвка* дѣля грѣшна» (ЛЛ 79об. Поучение Владимира Мономаха).

Таким образом, между значением слова как его смысловой потенцией и реализацией значения как превращением потенции в факт происходит постоянное динамическое взаимодействие. Это взаимодействие осуществляется в контексте, который позволяет определить семантику слова, когда необходимо установить непосредственную связь между обозначающим и обозначаемым, т. е. когда требуется соотнести слово с конкретным лицом, фактом, предметом, действием. Так, например, типичные для существительного *мужъ* сочетания с притяжательными местоимениями (*мои, свои*) в большинстве случаев обозначают человека именитого, знатного, если указанные притяжательные местоимения соотносятся с понятием «княжеский» («царский»). Однако в языке древнерусских памятников возможно такое употребление, при котором это сочетание не обязательно имеет значение знатный человек, даже при условии соотнесения притяжательного местоимения с понятием «княжеский». В этом отношении показателен эпизод о единоборстве русского богатыря с печенежским, описанный в Лаврентьевской летописи в статье под 992 годом. Печенежский князь ставит условие князю Владимиру: «выпусти ты *свои мужъ*. а я свои да ся борета. да аще *твои мужъ* ударить моимъ. да не воюемъ за три лѣта». И далее: «выпустима Печенѣзи *мужъ свои* бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ. и выступил *мужъ* Володимеръ». (ЛЛ 42об.). В приведенных контекстах притяжательные местоимения *мои, свои, твои* обозначают не высокое социальное положение человека, а его подданство. После единоборства князь Владимир вознаградил победителя, русского отрока, сделал его «великимъ мужемъ», т. е. знатным человеком.

Отсюда следует, что определение семантики отдельного слова может опираться на содержание контекста. Фактор контекста не относится непосредственно к лингвистическому анализу и обычно остается за его

формальными границами, по-видимому, в силу того, что формализовать содержательную сторону письменного источника, исходя из единиц языка, представляется крайне трудным.

Тем не менее семантический анализ нередко требует обращения не только к содержанию текста, но и, более широко, к излагаемой в источнике теме. В некоторых случаях тема обуславливает выбор лексем, в других — реализацию отдельного значения. Например, прилагательные *святыи* и *блаженни* как выражение положительной этико-нравственной оценки характерны для житийных памятников и тех частей летописи, которые испытали влияние церковных источников. Прилагательное *зълыйи* в значении «сильный по характеру своего проявления», сочетание *идти на* в значении «воевать, идти войском» связаны с темой описания военных действий, свойственной в основном летописному жанру. Но когда эта же тема затрагивается в агиографическом произведении, автор обращается к средствам, принятым в языке летописи, и пользуется ими как готовыми формулами, ср.: «и съступишася въсходящу слѣдцю и бы(ѣ) съча зла отинудъ» (СкБГ 15г). Реализация отдельного значения в зависимости от тематических условий может быть проиллюстрирована и использованием существительных. Например, слово *языкъ* в значениях «нарекание» и «народ, племя» употребляется в текстах, разнородных по жанру — историко-повествовательных, афористических, летописных, ср.: «а се суть инии *языци* иже дань даютъ Руси. Чюдъ Меря Весь Муромъ Черемись» (ЛЛ 4об.); «створю тя в *языкъ* велии» (ГА 6бг.); «Въ множествѣ *языкъ* слава ц(ѣ)рмъ» (Пч 31 об.). В то же время использование этого же существительного в значениях «орган речи» и «способность говорить» характерно для назидательно-афористического памятника, например: «*Языкъ* мой да не погубитъ мене» (Пч 96об. — 97); «*Языкъ* шатающься не требуетъ казання» (Пч 137). Последний контекст, содержащий глагол *шататися*, по всей видимости, восходит к библейскому источнику, где слово *языкъ* в форме множественного числа имеет значение «народ», ср.: «въскую шаташася *языци*» (Псалтирь, II, 1). Таким образом, при значительном лексическом сходстве контекстов может осуществляться реализация разных значений одного и того же слова.

Проявление семантических возможностей слова, связанных с тематическими условиями текста и его содержанием, зависело и от жанровой специфики источника. Та или иная тема получала преимущественное изложение в памятниках определенного жанра, поэтому здесь следует говорить именно о преимущественной, но не об абсолютной жанрово-тематической прикреплённости. Данное явление особенно наглядно прослеживается в летописи, где, например, описание монастырского устава и быта осуществляется в основном средствами языка церковных памятников. Многочисленные «похвальные слова» русским князьям, включенные в состав летописи, также строились с учетом этико-нравственной оценки, определяемой религиозно-христианскими догмами, ср. о князе Ростиславе: «мужь (...) мл(ѣ)твѣ убогымъ» (ЛЛ 5б).

Христианская догматика была основой средневекового мировоззрения. Положение о сотворении богом человека находило воплощение в многократном повторении соответствующей догмы в самых разных памятниках («бѣ създа члвкъ»); положение о правителе как о наместнике бога на земле («властью сана равенъ акы бѣ») проецировалось на существовавшую социальную организацию общества. Эти догмы, как и многие другие, были унаследованы древнерусской культурой от византийской, но в некоторых своих языковых особенностях отражали специфические древнерусские черты. Например, в переводных текстах сочетание *божии че-*

ловѣкъ преимущественно используется по отношению к апостолам, а в оригинальных оно применено к св. Алексею, ср.: «бж(с)твѣнаго Иакова видѣ ведома на смѣрть оклеветавыи его и раскаявѣся припаде къ ногам ап(с)лу глѣ: „прости мя, члвче бий, яко каюся о нихъ же глахъ на тя прегрѣшивъ“» (ГА 1376—в); «в пято(к) на канунъ ста(г) Олексѣя члвка Бжѣя» (ЛЛ 1380б.). Догмы были не только литературной темой, воплощавшейся в том или другом произведении, но и правилами, поддерживающими структуру средневекового общества, нормой поведения, обязательной для каждого члена этого общества⁸.

Подводя итоги, можно отметить, что в употреблении лексемы в языке древнерусских памятников на первый план выступает ее тематическая обусловленность. В этом смысле нет принципиального различия между реализацией отдельного значения и использованием отдельного слова в конкретном тексте. Не слово «строило» контекст, а контекст самим своим содержанием и темой определял выбор слова. Произведение слагалось из более или менее устойчивых формул, в которые типические для отдельного слова двучленные сочетания входили как составная часть. Поэтому в древнерусском языке так велика возможность «предсказуемости» слова.

Действительно, если известно, что речь идет о человеке, который характеризуется такими определениями, как *кротѣкъ*, *сѣмѣренъ*, *милостивъ* (кѣ) *убогымъ*, то можно предположить, что данный индивидуум будет обозначаться словом *мужъ*, а не *человѣкъ*. Если в составе прямой речи должен быть употреблен один из глаголов *dicendi*, то им, вероятно, окажется глагол *молвити*. Напротив, если в памятнике содержится ссылка на библейский источник, то в роли глагола, вводящего ее в текст, никогда не выступит *молвити*, а *глаголати*, *речи*, *вѣщати*. Если в летописи говорится о преемственности княжения, правах наследия и владения и используется при этом глагол *прияти* (*перейти*), то в непосредственное сочетание с ним скорее всего, вступит существительное *власть*, но не семантически близкие *страна* и *земля*.

Многообразие различных факторов, выявляющихся при реализации значения слова, может одновременно рассматриваться и как грамматические и семантические условия употребления этого слова, которые определенным образом соотносены и подчинены жанрово-тематическим требованиям текста.

Исследование лексико-семантической системы древнерусского языка в аспекте анализа текста предполагает сопоставление со словоупотреблением в языке старославянских памятников, т. е. ретроспективный подход, который может помочь уяснить не только общность, но и дифференциацию лексем в старославянских источниках, с одной стороны, и в древнерусских, с другой. Изучение данной системы также предусматривает соотношение со словоупотреблением в языке русских памятников разных жанров, и в первую очередь со словоупотреблением в языке деловой письменности, так как именно деловая письменность, особенно начиная с XV в., являлась одним из наиболее эффективных проводников разговорной лексики в литературный обиход.

Диакроническое изучение лексико-семантической системы должно способствовать выявлению тех факторов, которые вызывали известную экспрессивную маркированность слова, проявляющуюся в зависимости и от семантических возможностей слова, и от его жанрово-стилистического

⁸ Ср. замечание В. В. Виноградова: «...древнерусские тексты возникают и строятся на семантической и образно-идеологической базе, типичной для духовной культуры средневековья» (В. В. Виноградов, Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры, ВЯ, 1968, 1, стр. 9).

употребления. Сложность изучения лексико-семантической системы в развитии усугубляется тем, что стилистический аспект, который должен быть необходимым условием анализа, также требует диахронного подхода. Стилистическая характеристика — это не дополнение к «индивидуальному паспорту» слова, но это тот фактор, от которого во многом зависело функционирование самого слова⁹. Следовательно, лексико-семантическая система оказывается тесно связанной с системой жанрово-стилистической.

Наконец, особый вопрос составляет соотношение слова и контекста при установлении контекстуального минимума, требуемого для определения значения слова. По-видимому, отдельно взятый контекст, достаточный для толкования одного слова, может оказаться недостаточным для толкования другого слова, также входящего в данный контекст.

⁹ В. В. Виноградов подчеркивал: «В стилистической оценке выступает новая сфера смысловых оттенков слова, связанных с его индивидуальным „паспортом“. Стилистическая сущность слова определяется его индивидуальным положением в семантической системе языка, в кругу ее функциональных и жанровых разновидностей» (В. В. Виноградов, Русский язык, 2-е изд., М., 1972, стр. 22).